

ДОМ краеведение

Особняк со странностями

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ

Самый необычный дом на улице Воздвиженка (да и на всем Большом Арбате вообще) — затейливый особняк купца Арсения Морозова, более известный как Дом дружбы народов (сейчас в нем расположен Росзарубежцентр). И, вероятно, многие москвичи удивятся, узнав, что 100 лет назад он считался едва ли не образцом безвкусицы.

Ранее на этом месте размещался цирк. Владел им баварский подданный антрепренер Карл Маркус Гинне. И все бы в его жизни было хорошо, когда бы не пожар, который в 1892 году уничтожил цирк начисто. Восстановлению сооружение не подлежало, денег на строительство нового здания у Гинне не было (все-таки цирк не слишком прибыльное предприятие), и импресарио пришлось уйти на вынужденный отдых.

А землю, на которой находился цирк, приобрела известная московская купчиха Варвара Алексеевна Морозова. Не для себя — в подарок своему третьему сыну Арсению Морозову. У Арсения Абрамовича приближался юбилей — 25 лет, и нужно было загодя готовить для него подарок. Да и неплохо было бы поселить сына по соседству: парень был, мягко говоря, со странностями.

Архитектор для нового особняка был выбран Арсением под стать собственной персоне: господин Мазырин — мистик, презиравший христианство, зато верящий в переселение бессмертных душ. Сам он уверял, что в первой инкарнации был египтянином, за что пользовался в обществе славы дурного публичного деятеля, а у Морозова, напротив, — бескрайним уважением. Именно Мазырин настоял на мавританском стиле. Дважды он возил заказчицу (благо последний в средствах не стеснялся) по Испании и Португалии и наконец уговорил Арсения на копию замка Синтра рядом с Лиссабоном. Одна беда: тот замок был увит гроздьями винограда, а в Москве подобный фрукт произрастает неохотно. Не заменяя же благородный виноград малиной или бузиной! Однако же выход нашли: вместо живого винограда выполнили каменный орнамент.

Возраст, что когда дом построили, к Арсению явилась его матушка. Плюнула на порог и сказала: «Раньше одна я знала, что ты дурак, а теперь об этом узнает вся Москва».

Такой поступок был вполне в характере Варвары Алексеевны. Но в Москве и

кроме нее нашлось немало критиков морозовской недвижимости. Самый авторитетный, разумеется, Лев Николаевич Толстой. Он как раз работал над романом «Воскресение» и не удержался от соблазна упомянуть здесь дом Морозова: «На одной из улиц извозчик, человек средних лет, с умным и добродушным лицом, обратился к Нехлодову и указал на огромный строящийся дом.

— Вон какой домина занесли, — сказал он, как будто он отчасти был виновником этой постройки и гордился этим.

Действительно, дом строился огромный и в каком-то сложном, необыкновенном стиле. Прочные леса из больших сосновых бревен, свхваченных железными скрепами, окружали воздвигаемую постройку и отделяли ее от улицы тесовой оградой.

По подвосткам лесов сновали, как муравьи, забрызганные известью рабочие: одни клали, другие тесали камень, третьи вверх вносили тяжелые и вниз пустые носилки и катушки. Толстый и прекрасно одетый господин, вероятно архитектор, стоя у лесов, что-то указывая наверх, говорил почтительно слушающему владимирцу-рядчику. Из ворот мимо архитектора с рядком выезжали пустые и въезжали нагруженные подводки.

«И как они все уверены, и те, которые работают, так же как и те, которые засыпают их работая, что это так и должно быть, что, в то время как дома их брютые бабы работают непосильную работу и дети их в скуфеечках перед скорой голодной смертью старчески улыбаются, суча ножками, им должно строить этот глупый ненужный дворец какому-то глупому и ненужному человеку, одному из тех самых, которые разоряют и грабят их», — думал Нехлодов, глядя на этот дом.

— Да, дурацкий дом, — сказал он вслух свою мысль.

— Как дурацкий? — с обидой возразил извозчик. — Спасибо, народу работу дает, а не дурацкий.

А сейчас особняк Морозова уже не считается странным. ФОТО ДМИТРИЯ КОСТЮКОВА

— Да ведь работа ненужная.

— Стало быть, нужная, коли строят, — возразил извозчик, — народ кормится.

Нехлодов замолчал, тем более что трудно было говорить от грехота кошель.

Неудивительно, что за Морозовым надолго закрепилось прозвище «глупого и ненужного человека». А актер М. П. Садовский сочинил такое четверостишие: «Сей замок на меня наводит много дум, / И прошлого мне стало страшно жалко, / Где прежде царствовал свободный русский ум, / Там ныне царствует фабричная смелка!».

Впрочем, кое-кто из современников был очень даже рад морозовскому дому. Например, предприниматель Варенцов писал: «Арсений Абрамович оставил по себе память в Москве постройкой красивого особняка на Воздвиженке... Особняк обращает на себя внимание красотой и солидностью».

Но подобных доброжелательных критиков нашлось немного.

Морозовские кутежи тоже вошли в историю. Они отличались щедростью и вместе с тем действительно какой-то глупостью.

На одном из них, к примеру, в зале стояло чучело медведи с серебряным подносом, наполненным черной икрой.

В другой раз ужин был у его матери. Арсений по обыкновению болтал чепуху, Варвара Александровна, чтобы сменить предмет беседы, задала вопрос: «А как вы думаете, какая женщина заслуживает наибольшего уважения? На что присутствовавший за столом Антон Павлович Чехов, покосившись на Арсения, ответил: «Та, которая умеет хорошо воспитать своих детей».

А еще на доме выточили узел из канатов — талисман благополучия и долголетия. Но с долготлетием как раз не вышло. Как-то раз в пьяной компании Арсений чуть ли не на ащик коньяку поспроил, что прострелит себе ногу и не закричит от боли — дескать, сила воли человека безгранична (все Мазырин виноват, именно он заразил купчиху эзотерическими увлечениями). Морозов действительно не закричал, коньяк выиграл.

Ему бы сразу ко врачу — но наш герой продолжил пьянку, кровь скопилась в сапоге, и в скором времени Морозов приказал всем долго жить.

Скандал однако же на этом не закончился. Выяснилось, что все свое имущество (четыре миллиона плюс злосчастный особняк) он завещал не дочери и не жене (с которой, впрочем, разошелся), а любовнице — девице Коншиной. Вдова, ясное дело, обратилась в суд. Газеты смаковали всевозможные пикантные подробности. Еще при жизни Морозова «Московские ведомости» сообщали: «25 октября в Московской судебной палате рассматривается дело по иску Варвары Сергеевны Морозовой к своему мужу Арсению Абрамовичу Морозову о взыскании с него на содержание их четырехлетней дочери Ирины по 20 000 рублей в год. Окружной суд, где первоначально рассматривалось это дело, постановил взыскать на содержание Ирины с А. А. Морозова по 5 000 руб. в год, и судебная палата это решение утвердила».

После революции в особняке на Воздвиженке разместились анархисты. А за ними — Пролеткульт. Тут появлялись Фрунзе, Брюсов, Луначарский, Маяковский, а Есенин даже проживал. Его знакомая некто Н. А. Павлович изумлялась: «Жил он... в бывшей ванной — большой, светлой комнате с декандетской росписью на стенах; ванну прикрыли досками, поставили письменный стол, сложили печурку».

Режиссеры Эйзенштейн и Мейерхольд здесь ставили свои спектакли. Вообще, так называемый театр Пролеткульт был весьма своеобразным. Критик А. Февральский вспоминал о нем: «Небольшой, но высокий зал... превратился в подобие цирковой арены. Зрители располагались на двух крутых амфитеатрах, разделенных проходом, через который входила публика, и образовывавших примерно полукруг. Пол перед амфитеатрами («манеж») был устлан круглым ковром; здесь и была «сцена». Стены зала, замыкавшие сзади место действия, были завешаны полотнищами, перед которыми находился помост со спусками-пандусами по бокам и с занавесом; из-за занавеса могли выходить действующие лица (кроме того, они появлялись и из боковых проходов). А на верхней части стен, не закрытой полотнищами, виднелись лепные украшения бывшего особняка Саввы (не верно имя владельца указал автор цитаты. — «Ъ») Морозова».

Эйзенштейн, к примеру, ставил здесь пьесу Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Один из современников писал об этом: «От Островского осталось лишь название пьесы, имена действующих лиц, к которым были прибавлены имена политических деятелей того

времени. Основной задачей спектакля... явилось разоблачение мировой контрреволюции, а средствами этого разоблачения были избраны цирковые курбеты, хождение по проволоке и даже короткометражный фильм, проецируемый на внезапно опускающийся экран».

И не секрет, что театр «Колумб» (Ильф и Петров, «Двенадцать стульев») списан авторами именно с театра Пролеткульт. Естественно, подобные спектакли были чрезвычайно рискованными. Актер (в будущем — известный режиссер) Григорий Александров, например, во время одного из них чуть не погиб. Виктор Шкловский так описывал это событие: «Александров ходил по реальной наклонной проволоке без всякой подмены, без сетки и мог свалиться на зрители. Балкон театра и нижняя сцена были соединены проволокой, и однажды Александров чуть было не сорвался с нее, когда спустился вниз. Если бы один из зрителей не подал сверху палку, которая помогла ему сделать последний шаг, фильм Александрова никогда не были бы сняты».

Впрочем, и Мейерхольд не отставал от Эйзенштейна. Филолог Б. Пуришев вспоминал его произведение: «Чертя площадного комизма возникали... в постановках В. Мейерхольда. В «Лесе» Островского Счастливцев (Игорь Ильинский) устранил гостя помещицы Гурмыжской раскатами театрального грома, пробегая по металлическим полосам. В том же спектакле на сцене высились «гигантские шаги». Молодые влюбленные неслись по воздуху как бы на крыльях любви. Буффонный гротеск переполнял пьесу Сухова-Кубылина «Смерть Тарелкина» (1922). В руках действующих лиц были палки с бычьими пузырями на конце. В пузырях перекачивался сухой горох. Актеры дубасили друг друга этими пузырями, отчего горох гремел, наполняя греском сцену. Мало этого. Персонажи мрачной комедии стреляли из пистолетов. Стреляли даже стулья, если на них садились. Постепенно сцена заволакивалась голубым пороховым дымом, на фоне которого, словно человеческие кости, выдвигались предметы домашнего обихода, сколоченные из белых планок. Царская Россия уподоблялась тем самым преисподней, окутанной адским дымом. А посреди сцены стояла большая мышеловка, в которую попадал Тарелкин... Постановкой восхищались были А. В. Луначарский, В. Маяковский и Андрей Белый».

В то время режиссерам позволялось многое. До репрессий 30-х годов было еще далеко.

Алексей Митрофанов

НОВОГОДНЯЯ СЕНСАЦИЯ

Лучшие квартиры Новогодние цены

Сенсационные условия и цены

Специальные условия Новогоднего прайс-листа действуют только до 25 декабря.

Сенсационное предложение

Полностью обновленное предложение по всем жилым комплексам компании «ДОН-Строй». Впервые представлены квартиры, ранее не выставленные на продажу. Эксклюзивные пентхаусы. Лучшие районы Москвы. Классы Business, Premium и De Luxe.

Сенсационное повышение цен

С 1 января стоимость квадратного метра вырастет на 20%.

Дом на Мосфильмовской

Впервые!

эксклюзивные квартиры, расположенные на высоте более 150 м, с панорамными окнами и потрясающими видами на лесопарк МУ и озера голф-клуба. Оптимальная площадь — от 98 до 232 кв. м.

КЛАСС DE LUXE

Первый в Москве небоскреб класса де люкс. Уникальный жилой комплекс расположен на западе столицы, в районе Мосфильмовской улицы на Воробьевых горах.

Дом на Покровском бульваре

Впервые!

— уникальные пентхаусы площадью от 300 кв. м с видами на исторический центр города, просторными террасами и зелеными садами.

КЛАСС DE LUXE

Новый дом категории де люкс является прекрасным примером того, как современная архитектура гармонично вписывается в классическое окружение.

Седьмое Небо

Впервые!

— двусторонние квартиры площадью от 80 до 162 кв. м на верхних этажах дома с панорамными видами.

КЛАСС PREMIUM

Новый жилой комплекс класса премиум расположен в уникальном месте — на берегу Останкинского пруда, по соседству со знаменитым усадьбой Шереметьевых, рядом с великолепным дворцом и неповторимым парковым ансамблем.

Дом в Сокольниках

Впервые!

— видные квартиры-студии на верхних этажах здания от 53 до 58 кв. м. А также просторные квартиры площадью от 107 до 257 кв. м с выходом на благоустроенную кровлю и панорамными видами на Сокольнический парк.

КЛАСС PREMIUM

«Дом в Сокольниках» расположен по соседству со знаменитым парком в историческом районе столицы. Архитектура здания сочетает стилистический минимализм и функциональность.

Дом на Беговой

Впервые!

— не представленные ранее квартиры с уникальными панорамными видами на рынок недвижимости площадью — от 43 до 114 кв. м.

КЛАСС BUSINESS

«Дом на Беговой» — лидер продаж в бизнес-классе. Удобство транспортных коммуникаций и близость района к центру города и деловому «сити».

Алые Паруса, V корпус

Впервые!

— последние квартиры с видами на воду, расположенные с 23 по 28 этаж. Эксклюзивные апартаменты большой площади с эффектным остеклением и зелеными садами. Всего две квартиры на этаже.

КЛАСС PREMIUM

Жилой комплекс «Алые Паруса» с момента своего появления первично представлен москвичей во втором жилье. Для тех, кто только мечтает о квартире на берегу Москвы-реки, «ДОН-СТРОЙ» завершает строительство нового V корпуса.

Измайловский

Впервые!

— лучшие квартиры на верхних этажах дома площадью от 80 до 132 кв. м с панорамными видами на Измайловский лесопарк.

КЛАСС BUSINESS

Жилой комплекс «Измайловский» рядом со знаменитым парком — самое выгодное предложение в своей категории. Впервые высокие стандарты элитного жилья применены для бизнес-класса.

Бирюзовая, 33

Впервые!

— эксклюзивные двухуровневые квартиры площадью от 165 до 286 кв. м в полностью готовом доме, а также квартиры от 150 до 193 кв. м во второй очереди строительства.

КЛАСС BUSINESS

Новый дом расположен в окружении жилых комплексов «ДОН-СТРОЙ» на Северо-Западе столицы.